

Роль газеты «День литературы» в духовном пространстве нашей страны трудно переоценить. В девяностые и двухтысячные газета бывала последним бастионом здравого смысла, а её главред — Владимир Бондаренко возвышал свой голос против таких «колоссов тьмы», которым, казалось, нет укорота. Кто ещё мог так одёрнуть «г-на Сро и ему подобных»? (Выражение Бондаренко из статьи 2004 года «Про Сро», о худших произведениях небездарного писателя Владимира Сорокина.) Здоровье заставило Владимира Григорьевича Бондаренко отойти от дел, но он передал редакторские полномочия достойному преемнику — Валентине Григорьевне Ерофеевой. Она не только продолжает редактировать газету «День литературы», но в последние годы сделала новый шаг: организовала (при содействии Редакционного совета, о котором — ниже) выпуск толстого журнала «День литературы». О номере журнала за этот год, посвящённом короткой прозе (№ 1 (13), 2021 г.), и пойдёт речь в моей рецензии.

Кстати, я хочу оспорить распространённое среди либералов занижение количества тех, кто делает в России патриотическую литературу. Да, в труднейшие годы возникало впечатление, что Владимир Бондаренко выпускает газету едва ли не в одиночку. Небольшая комната редакции, на Комсомольском проспекте, д. 13, казалась тому подтверждением. Но на самом деле газету делала

вся страна! То же самое относится и к журналу «ДЛ». И география действия в рассказах, представленных в обсуждаемом номере, и адреса проживания авторов — вся Россия и весь русский мир. Тут, конечно, нужно сказать, что федеральная поддержка (в том числе финансовая) — это не то же самое, что география авторов издания. В идеале одно с другим должно совпадать, в реальности бывает противопоставлено... Но эту грустную ноту я оставляю для концовки рецензии, а сейчас — о светлом.

Стратегический подход, свойственный редакции «Дня литературы», в журнале (по сравнению с газетой) не только не пропал, но, пожалуй, стал более явным. Стратегия в литературе — это писательские имена, то есть репутации: укрепление таковых и их создание, порой прямо-таки с нуля. Рассматриваемый номер журнала включил рассказы двадцати семи авторов и представляет собой некое «золотое сечение» нашей прозы. Здесь есть авторы очень именитые, а есть малоизвестные; сугубых дебютантов, насколько я понимаю, практически нет. Разве что общероссийский настоящий дебют состоялся в этом номере для Екатерины Блинской, представленной и небольшим рассказом, и весьма удачным (скажу больше: блестящим!) романом «Время ласточек».

Номер журнала имеет два заглавия: «Антология рассказа (2019–2021)» и «Роман о первой любви». Соответственно, и разговор пойдёт по двум руслам... Но тут я сразу же перечислю и членов Редакционного совета: Николай Иванов, Сергей Куняев, Александр Леонидов, Вячеслав Лютый, Михаил К. Попов, Захар Прилепин, Андрей Тимофеев. Имена «начальства», думаю, говорят сами за себя, а теперь — об именах авторов рассказов. Их я бы разделил на четыре группы. Есть два современных классика (против более скромных определений я буду возражать): Павел Кренёв и Владимир Крупин. Есть около десятка писателей сложившихся (в основном, это члены Союза писателей России, а также СП Москвы), обладающих большим опытом и выпустивших книги. Третью группу составляют писатели, мне не известные, скорее всего — не члены творческих союзов. И, наконец, четвёртая группа — самая, на мой взгляд, интересная — состоит из двух авторов: это Александр Леонидов (Филиппов) из Уфы и Игорь Бахтин из Петербурга. Репутация этих двух прозаиков фактически «с нуля» была сделана газетой и журналом «День литературы», об этом я и поведу разговор. Но пойдём по порядку.

Когда я упомянул сначала Кренёва, а затем Крупина, это не было данью алфавиту, я, действительно, ставлю первого выше

второго. Хотя Крупин (1941 г. р.) считается и более именитым, и более «вхожим», и даже своеобразным «хранителем тотема» Союза писателей России. После смерти Валерия Ганичева (1933–2018) Крупин, действительно, оказался «патриархом» отечественной прозы, но как прозаик он мне кажется не поднявшимся до высот безупречного мастерства. Крупин — автор многих книг, состоящих из — увы! — торопливо записанных, удручающе похожих эпизодов его встреч и бесед с разными пьяницами и околоцерковными нищими, — все они говорят каким-то дурацким, неправильным (якобы народным) языком... Это проза о «неправильных», «загубленных» жизнях, и кому-то (Крупин никогда не уточняет, кому именно) автор за это выставляет некий заочный счёт. Единственное произведение (кстати, в жанре не короткой, но длинной прозы), которое, я убеждён, спасает Крупина и всё-таки приобщает его к рангу современных классиков, — это его книга о паломничествах на Святую землю («Незакатный свет. Записки паломника»). В Палестине, у Гроба Господня и в других библейских местах Ближнего Востока Крупин бывал десятки раз; в тех местах он даже прославился как «босоногий русский парламентарий». (Крупина принимали за депутата Госдумы, каковым он не был; но он много лет входил в какой-то околопрезидентский совет, а в паломничествах не стеснялся ходить босиком в знак христианского смирения.) Крупин написал о современном Ближнем Востоке вдохновенную и правдивую, цветную, как южное солнце, прозу. Эта книга и стала главной в его жизни. Хотя, конечно, со мной многие не согласятся и укажут мне на другие достойные (по их мнению) книги Крупина.

(Здесь нужно оговориться. Кто дал мне право — могут спросить — ставить одного автора выше другого и вообще — настаивать на какой-то иерархии? Отвечаю: критику никто прав не даёт, он сам берёт эти права, высказывая то или иное суждение. Литература — дело более тонкое и сложное, чем «расстановка по порядку номеров»; и всё-таки без иерархических соображений критики быть не может.)

В обсуждаемую антологию включён рассказ Крупина «Фонтан в центре города»: стилистически блестящая, добрая, тонкая проза — один из редких у этого автора рассказов о комфортной городской жизни, без псевдонародной «грязцы». Павел Кренёв (которого вообще-то к течению «деревенской прозы» я бы не стал относить), наоборот, представлен рассказом о деревне «Дедушко Павлин». Это — портрет гармониста и балагура из поморской деревни, великолепная зарисовка северного русского быта...

Имя Кренёва (1950 г. р.) известно давно, например, на моей книжной полке стоит сборник прозы молодых авторов «Точка опоры» за 1984 год, где напечатана повесть Кренёва «Жил да был «дед»». (Это не о деревенском дедушке, но о молодом старшем механике; у стармехов на судах, как известно, бытует прозвище «дед».) Повесть настолько житейски зрелая (и посвящённая семейным отношениям), что даже не верится, что автору её на момент публикации было 34 года!

С 1980-х годов имя Кренёва оставалось на слуху, но лишь в самое последнее время он буквально прогремел историческими очерками о борьбе внутри большевистской верхушки. Оказывается, покушение Фанни Каплан на Ленина организовали Троцкий, Свердлов и Дзержинский, а за убийством Свердлова, наоборот, стоял Ленин. (Причина этой борьбы — геополитические разногласия.) Исследование Кренёва столь же сенсационно, каким в своё время стал «Архипелаг ГУЛАГ», но — по той же причине, по какой значение Солженицына раздули — резонанс от художественного исследования Кренёва попытались приглушить. В патриотических кругах, однако, у этого прозаика — заслуженно высокая репутация.

* * *

Теперь о второй группе авторов, «просто» признанных и известных, в большинстве они — члены СП России. Это Михаил Константинович Попов (не путать с Михаилом Михайловичем Поповым, на мой взгляд — лучшим романистом современной России... но он в антологию не включён), Игорь Изборцев (Смолькин) (представлен чудесным рассказом о том, как мама привела его к вере во Христа), Дмитрий Воронин, Владимир Пронский, Вадим Рудаков, Алексей Румянцев, Михаил Смирнов, Николай Беседин...

О Воронине я здесь ничего говорить не буду, так как уже подробно писал о его рассказах в газете «ДЛ»¹. О других авторах — членах союзов писателей — скажу коротко. Все они прозаики, что называется, «крепкие», пишут добротную, не лишённую интереса прозу. Михаил К. Попов представлен фантастическим рассказом о том, как воскрес солдат времён Отечественной войны, увидел вывески на латинице, счёл, что город оккупирован немцами, и открыл огонь...

Вообще, фантастический элемент встречается во многих из включённых в антологию рассказов; ничего плохого в этом, по-

¹ А. Андрушкин, «Станет ли Дмитрий Воронин «Дёгтевым сегодня»?», «День литературы» от 11.07.2017 г.

моему, нет. Читать интересно, и, кстати, можно ещё поспорить, где больше фантастики: в прыжке через сотню лет или в рассказе Чехова «Хамелеон», где показан свойственный скорее Западу, чем России, полицейский-приспособленец. В так называемой «социальной прозе» заложен порой куда более мощный заряд ирреального, чем в вымысле о добрых и злых духах или о межзвёздных перелётах.

Вернусь к обсуждаемым авторам. Владимир Пронский, рассказ «Кто на кого учился» о мытарствах с компьютером, почти одушевлённым и едва ли не самым близким для всех нас «существом». Пронский — автор известный, проза его неизменно интересна, и явных провалов я у него не встречал.

Николай Беседин, бывший моряк, ставший членом СП России, представлен рассказом «Вася», о женщине-матросе, по сути дела — гермафродите. «Вася» забеременела, потом потеряла ребёнка; берущий за душу реалистический рассказ.

Вадим Рудаков, рассказ «Солнце в конверте». Рассказ содержит как раз тот самый «элемент чуда», о котором я говорил выше. Фотограф настолько мастеровит, что некоторые его снимки, извлекаемые из конвертов, производят сильнейшее физическое воздействие, словно миниатюрное «солнце».

Алексей Румянцев, рассказ «Отвергнутый», о том, как за девушку боролись два парня, и тот, которого она отвергла, стал позже настоящим «колдуном», целителем, причём реально помогающим людям, а не шарлатаном.

Михаил Смирнов, «Люди-птицы». Это рассказ о потомственных «сумасшедших» (если угодно), о людях, воображающих себя птицами, на посмешище односельчанам.

Анатолий Подольский, «Не тобой положено, не тебе и брать», о чудесах и закланиях, связанных с кладом.

Юрий Манаков, «Хитрован Тунгус», рассказ о походе в тайгу за ягодами вместе с собакой по кличке Тунгус. Манаков — член СПР и автор, вроде бы, опытный, но рассказ показался мне, увы, вполне заурядным, и особой хитрости у собаки по кличке Тунгус я тоже не усмотрел.

Виктор Мельников, «Телефон времени». Это опять фантастический рассказ, герой которого вышел на пенсию и сразу нашёл в городе чудесный телефон-автомат, по которому разговаривает с покойной мамой.

Как видим, в антологии рассказов есть что почитать, причём я намеренно не характеризую всех авторов сплошь. Присутствует

пять или более рассказов о детстве, все они похожи, все не лишены интереса.

Отмечу отдельно блестящий рассказ ещё одной женщины-прозаика, Инны Волошиной (на 25 мужчин в антологии — всего две женщины). Рассказ Волошиной «Нас не догонят» — о том, как героиня из маленького городка, зато находящегося на Черноморском побережье, вышла замуж за москвича, живущего в квартире с видом аж на Кремль.

Теперь — о прозаиках моих условных «третьей» и «четвёртой» групп. В «третью» группу я включил авторов, которые мало известны и не состоят в писательских союзах. Им я только могу пожелать продолжать работать и зарабатывать эту самую известность. Из этой группы «приглянулся» мне Игорь Вин с рассказом «Парижанка» и Вячеслав Михайлов с рассказом «Афганец». Здесь у меня почему-то возник вопрос к Вячеславу Михайлову: а почему он не пошёл, например, по пути г-на Винокурова, пишущего под псевдонимом «Вин», и не взял себе тоже какой-нибудь псевдоним? Михайловых в России — не одна сотня тысяч; я, сколько ни рылся в интернете, так ничего и не нашёл об авторе по имени Вячеслав Михайлов. А может, это упрёк в адрес составителей антологии, не снабдивших её справками об авторах, даже наикратчайшими?

От проблемы сведений об авторах я естественным образом перехожу к моей «четвёртой» группе писателей и к тому, как «делаются» литературные имена. Скажу сразу: Александр Леонидов-Филиппов мне не близок, я считаю бестактным его роман «Апологет», герой (точнее, антигерой) которого, по имени Нахалков, весьма похож на Никиту Михалкова. А ведь Никита Сергеевич Михалков — великий режиссёр, как можно к нему относиться без почтения, скажу больше — без благоговения? Правда, прецеденты окарικатуривания в нашей литературе бывали, прозаик Сергей Есин тоже в своё время нашумел романом «Имитатор», в котором нельзя было не распознать пасквиль на великого живописца Илью Глазунова. Неужели Леонидов-Филиппов возжаждал сомнительных лавров Есина? Не хотелось бы так думать.

Повторюсь, плодовитый прозаик и публицист Леонидов-Филиппов (в публицистике он — убеждённый противник рынка и сторонник социализма) мне не близок, и в то же время я не могу не одобрить решительных действий редакции газеты и журнала «ДЛ», где этот автор стал в последние годы едва ли не самым публикуемым. Так бывает и в военном деле: с направлением удара не согласны, но решительность удара одобряют.

Что греха таить: начинающие авторы сегодня не слишком охотно идут в патриотические издания: ведь за публикацию в газете «ДЛ» не платят денег. А либеральные литературные премии в последние годы выражаются в солидных цифрах: шестьсот тысяч «Нацбест», по три миллиона — «Ясная поляна» и «Большая книга»... За такие деньги молодой автор напишет всё, что угодно!.. Но если литературные направления или группы не способны создать репутацию с нуля, значит, они не способны ни на что... Потому-то я и одобряю решимость, с которой Валентина Еврофеева и другие члены редакционного совета «ДЛ» несколько раз заявляли о том, что Александр Леонидов и Игорь Бахтин стали «открытиями» «Дня литературы».

О втором из этих авторов я ничего критического сказать не могу и не хочу. Мастеровитый питерский прозаик написал роман «Предновогодние хлопоты» о том, как мужчина «таксует» по ночам, подвозя разных людей и ввязываясь в разные истории. Читается роман? Несомненно! А раз так, чем Игорь Бахтин хуже иного мгновенно «взлетевшего к славе» питомца либеральной тусовки? Какого-нибудь Льва Данилкина, например, сделавшего карьеру первоначально на том, что хвалил всех без разбора лауреатов либеральных премий, а потом и сам получил таковую за увесистую «опупею», «Ленин: Пантократор солнечных пылинок»...

* * *

Теперь о романе Екатерины Блынской «Время ласточек», который в журнале «ДЛ» напечатан с жанровым определением «Роман о первой любви».

У этого текста, на мой взгляд, есть только один, но существенный недостаток: он списан с жизни. Скорее всего, в романе изменены имена и некоторые детали, но, мне кажется, в целом он отражает то, что произошло с автором; а вот это в литературе как раз — одна из наименее допустимых вещей. В самом начале творческого пути авторы вынуждены делать выбор: пишут ли они из жизни (значит, как правило, о детстве или юности, «исповедальную прозу»), либо они целиком и полностью выдумывают произведения. Можно с применением приёмов полного вымысла написать социально-значимое произведение (это трудно), а можно — какой-нибудь остросюжетный детектив, как, например, сделала Агата Кристи. Молодая отечественная сочинительница тоже вполне могла бы написать не о своей первой любви, но о каком-нибудь Иване Петровиче Сысоеве, пожилым следователе, раскрыва-

ощем страшное преступление, и о тех, кто совершил это злодейство. Молодые авторы часто считают, что их рассказы о собственной жизни будут интересны, потому что правдивы, а вымысел, дескать, никого не обманет... Ошибочное мнение! Во-первых, все понимают, что не совсем «правду» сообщает тот, кто пишет якобы о себе; скорее всего, действительность шлифуется и украшается. Во-вторых, а кто вообще сказал, что читатель ищет в книгах правды, а не развлечения? Ведь чтение для многих это своеобразный сон наяву, когда глаз бежит по строчкам, но умственных и волевых усилий совершать не требуется. Сон и бодрствование вообще не так уж принципиально различны: иные виды бодрствования освежают не хуже сна, а тяжёлый сон, наоборот, утомляет.

Насколько я вижу, Екатерина Блынская пока сделала выбор в пользу реализма, а не литературы вымысла или в пользу вымысла, но очень похожего на реальность. Слава Богу, писатель в любой момент может переквалифицироваться, хотя перейти от реалистическо-исповедальной прозы на «коммерчески востребованную» — тяжело, знаю по себе. Что писала Лидия Чарская — вымысел или правду? Скорее всего, она умело дозировала то и другое, отсюда — её успех.

Я не знаю, не могу угадать, каков процент вымысла в романе Блынской... Вот вкратце сюжет. Героиня похожа на автора и внешне — сужу по фотографиям, и по датам жизни. Родилась в Москве в 1979 году, училась немного театральному делу, потом — делу, считающемуся более практическим и востребованным (юридическое образование). Время действия — в районе «миллениума» (двухтысячного года), то есть героине около двадцати лет; место действия — какое-то село к югу от Москвы, но к северу от Киева, в этом селе родители девушки приобрели дом и попытались превратиться не то в дачников, не то в фермеров. Есть деньги, есть машина «Волга»; отец девушки — бывший прокурор... И у Лизы возникает роман с местным мальчишкой — примерно её ровесником. Глеб, правда, не совсем местный: выясняется, что он когда-то приехал в это село с матерью из Одессы, а потом почему-то не смог вернуться назад.

...Влюбиться в одессита — что может быть неизбежнее? *«Что ты смотришь на меня как паровоз на Анну Каренину? — спросил Глеб Лизу, улыбаясь».* Он способен не только на шуточки, но и на такие, например, обобщения:

«— Ты не женщина, ты лодка с пьяными матросами. Твой парус красного цвета, я видел такой в детстве. Его несёт без его

воли прямо на камни. И тебя несёт на камни. А матросы твои пьяные, да, они перепились и потеряли вёсла. — Я... просто я... не могу по-другому... — жалко сказала Лиза. — Я плохая, да? — Нет, ты просто прёшь на камни, — ответил Глеб. — Или подумай о своём пути, или разбейся к чёрту».

Она предпочитает «разбиться», то есть влюбиться в него без памяти, ведь он привлекателен, Глеб: «Узкие глаза и прямой взгляд, красивое тонкое лицо, без всяких изъянов, наполненное каким-то неподвластным ей знанием, лицо, на которое можно смотреть вечно. Обветренные губы, словно выписанные».

Об Одессе, кстати, в романе разговоров практически нет... Родители Лизы привечают Глеба не как ещё одного горожанина, но как персонажа сугубо местного, используют его в качестве недорогого работника на приобретённом ими участке. Итак, любовь «работника» и «хозяйской дочери», под присмотром (да что там, с ведома!) «хозяев»... Родители девушки сочли, что она всё равно должна «пройти» через глупую первую любовь, так пусть уж лучше это случится у них на глазах... Хотя молодая пара вначале думает, что скрывает близость от её родителей:

«— Мамка твоя знает?

— Нет.

— Не говори никому, ничего никому не говори... Хочешь сказать, скажи речке, скажи песку, скажи дереву... но людям не надо. Люди не поймут...».

Терпкая и печальная, правдивая, жизненная история... Проходит год, и Глеба забирают в армию, Лизу — на учёбу в Москву... Повторюсь: я не знаю, что тут создано воображением, а что взято из жизни. И из чьей жизни черпала писательница — из своей или из жизни какой-то из подруг? Одессит, возможно, вымышлен или был встречен в других обстоятельствах, но перенесён в антураж данной деревни... Так называемая «реалистическая» или «правдивая» проза порой содержит не меньше авторской фантазии, чем романы о космических странствиях или о расследованиях Эркюля Пуаро.

Вопрос не в степени правдивости, а в том, кто будет читать эту реалистическую, серьёзную, нагруженную социальным значением прозу? Обычный ответ: читать будут те же люди, которые зачитываются, например, романом «Унесённые ветром» американской писательницы Маргарет Митчелл. «Были вот такие-то люди и обстоятельства и исчезли, точно ветер их унёс». Похожие мотивы звучат и в романе Блынской. Дескать, со времён той исто-

рии минуло двадцать лет, всё в том селе переменялось... *«Сейчас в клубе только голосуют. Для этого здание поддерживают в надлежащем состоянии. Белят, красят. Но кинобудку забили досками. И выбросили бильярдный стол...»*

Увы, лирическую интонацию автор не выдерживает, впадает скорее в обличительный тон социальной публицистики: *«Колхоз существовал теперь в сильно усечённом варианте, но и он был обречён. Земли сдавались арендаторам, выводились в собственное пользование председателем через странную полузаконную схему местной администрации, и уже председатель развёл на них свои мелкие хозяйства и складывал себе в карман доход от них»*. Такая интонация может отпугнуть романтических читателей, которые ищут отечественный вариант американского романа «Унесённые ветром». Но зато этот политический мотив — как видим — помог автору установить связи с журналом «ДЛ» и напечататься в нём! Я её поздравляю с этим фактом и желаю Блынской углубления сотрудничества и с редакцией, и с Союзом писателей России.

Массовому российскому читателю ближе соображения о судьбе наших колхозов, чем о времяпровождении в Западной Европе или ещё где-нибудь за рубежом, о чём любят повествовать лауреаты «Русского Букера» и «Большой книги». Массовый российский читатель голосует за КПРФ или за ЛДПР, а не за партию «Яблоко», которой, судя по всему, симпатизируют организаторы «Большой книги» (и питерского «Нацбеста»). Потому-то и буксует у нас книготорговый процесс, что «премиальную литературу» либералы создали, но требуется «создать» к ней ещё и читателя, а это оказалось делом не столь простым, а, скорее всего, и вовсе невозможным.

На этом я думаю завершить разговор о романе «Время ласточек». Видно, что Блынская — сложившийся, зрелый и умный автор, создающий прозу почти без длиннот; я даже не нашёл в романе и стилистических огрехов кроме двух-трёх мелочей. Возможно, это совместная удача автора и редактора, однако больше всё-таки это зависит от автора, поскольку неудачный текст не спасёт и самый лучший редактор. Выскажу и пожелание: побольше бы Екатерине Блынской философии, не мужской, конечно, а женской, хотя можно и в стиле того же Глеба: «ты лодка с пьяными матросами» и т. д. Можно и в другом духе, допустим даже, как в романе «Унесённые ветром». Ведь американская писательница — ох, любит порассуждать о сложных вещах, и ничего, — читается. Жен-

ский разум бывает столь же неожиданным и блистательным, как мужской; Екатерине Блинской, по-моему, не нужно стесняться высказывать сложные мысли, у неё получится.

* * *

Завершить рецензию я хочу несколькими соображениями на грани литературы и политики. Я читал достаточно послесловий и предисловий к сборникам рассказов и знаю, как они писались в советские времена. Полагалось всех без исключения похвалить, хотя бы сдержанно, иначе возник бы конфликт интересов. Под одной обложкой не может содержаться рассказ и критика этого рассказа; то же самое относилось (и относится сегодня) к *группе* дружественных изданий или СМИ. Если ты, критик, пишешь о «своих», изволь писать дружелюбно, в противном случае ты окажешься «чужим». Это касалось, повторюсь, взаимоотношений *внутри* определённого направления, к авторам же направления «конкурирующего» можно и нужно было относиться сугубо критически даже в советские времена. «Деревенщики» не скрывали своего неприятия ценностей «поворотчиков», то есть сторонников «поворота северных рек», и наоборот. Конфликт был глубоким и неразрешимым, хотя для вида та и другая стороны апеллировали к якобы единым советским ценностям.

Сегодня у нас в стране (да и в мире) единая шкала ценностей отсутствует: я не принимаю всерьёз уж совсем расплывчатые ссылки на «разум» или на «единство человечества». «Патриотизм должен быть патриотичен» — в переводе на русский это означает: «я не знаю, в чём должен заключаться патриотизм». Слишком многие у нас в стране сегодня дезориентированы, действительно, не знают, куда двигаться. На их фоне, по-моему, не лучше выглядят те, кто с важным видом пережевывает вчерашнюю жвачку и обещают рецепт от всех болезней, но, сколько ни вчитываешься, не находишь у них даже представления о том, как вообще пишутся рецепты.

Власть имущие в России произносят слова о патриотизме, но культурная политика, как не раз отмечалось, в реальности остаётся «соросовской». Рецензируемый номер журнала «День литературы» является одним из шагов на пути борьбы с этой пагубной линией.

Санкт-Петербург,
август 2021 г.